

МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Вызовы времени. В поисках новых измерений

«ПОСТСОВРЕМЕННАЯ ИМПЕРИЯ» В РОССИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ*

И.И. МЮРБЕРГ, И.М. УГРИН

Аннотация

Объект исследования – возникшее на стыке веков понятие постсовременной империи. Цель проведенного анализа – показать, что поиск политико-философских средств изучения «пост-империи» выделяет понятие суверенности как релевантный способ описания соответствующего проблемного поля. Отсюда гипотеза: герменевтически проанализированный опыт России как разновидности пост-империи служит понятийным опосредованием для восприятия идентичности субъектов современной политики. Притязания государств на статус суверенных политических образований заставляют переносить внимание с классических определений суверенитета на близкое, но не тождественное им понятие суверенности. Под суверенностью понимается способность государства к выполнению трех взаимосвязанных функций (символическая репрезентация – политическая мобилизация – демократическая правительственность), реализуемая путем, уникальным для каждого политического субъекта. Высказывается предположение, что для современной России оптимальным «контекстом» поддержания состояния суверенности является статус постсовременной империи. Отнесение империй этого типа к пост-современности указывает на уникальный характер данного культурно-политического образования, индивидуальную неповторимость его внутренней структуры и истории его появления. Для «пост-имперской» России характерно сохранение преемственности с предшествующими формами российской «имперскости»: во все исторические эпохи это были континентальные (неколониальные) империи, «империи без колониализма». В отличие от колониальных империй Нового времени, «рациональная» политика которых в странах третьего мира находилась в жесткой корреляции с идеологическим кредо «экономического человека», российское «имперское» самосознание доказало свою способность уживаться с либерализмом, социализмом и прочими идеологиями. Специфика российской «имперскости» придает ее идентичности цивилизационные черты.

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Индивидуализм как этико-политическая институция Европейского модерна: этапы исторического становления и вызовы современности», грант № 17-33-00060.

Ключевые слова: пост-империя, индивидуальность «имперского», суверенность, политическая субъектность, принцип проектности, политическая постсовременность.

Мюрберг Ирина Игоревна – доктор политических наук, ведущий сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

irina.myrberg@gmail.com

Угрин Иван Михайлович – кандидат политических наук, младший научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

ivan_ugrin@mail.ru

Цитирование: МЮРБЕРГ И.И., УГРИН И.М. (2017) «Постсовременная империя» в российской перспективе: политико-философское эссе // Философские науки. 2017. № 8. С. 33–47.

«Роль политических теоретиков в политической науке крайне важна по той простой причине, что не существует никакого алгоритма, позволяющего создавать правильное описание социального мира. Свою работу нам надо делать так, чтобы она открывала новые и многообещающие горизонты для исследований, ориентированных на проблему» [Шапиро, 49–50].

Не так давно интерес к понятию «постсовременной» империи был силен настолько, что объединял собою Восток и Запад, политиков-дилетантов и специалистов по политической мысли. Сегодня эта тема заметно утратила остроту; но сам интерес, не исчезнув бесследно, продолжает давать пищу более общим философским размышлениям о том, каких идейно-теоретических ориентиров требует переосмысление сегодняшней политики. Политико-философская «мода» на империю, как и всякая мода, невозможна без хотя бы отчасти иррационального к ней отношения, таящего в себе не одну теоретико-мировоззренческую проблему. Налицо стандартная исходная позиция: всякое массовое увлечение, несущее в себе признаки философской проблемы, побуждает искать рациональные основания, зачастую, в смещенном пространстве; последнее, в таких случаях, служит символическим замещением подлинного, но должным образом не тематизированного объекта всеобщего интереса.

Смутная неудовлетворенность наличной (в нашем случае теоретико-познавательной) ситуацией может быть связана с опасениями, что «некое единое, систематизированное знание, нередко предлагаемое в отечественных политологических курсах, хорошо маскирует несостыковки и напряженности между различными исследовательскими стратегиями, тем самым формируя некий новый догматический Катехизис» [Алексеева 2000]. Сказанное точно опи-

сывает российскую ситуацию, между тем, творческое беспокойство характерно и для критически мыслящих представителей политической теории Запада. В этом случае причиной выступает прогрессирующая бессвязность разрастающегося массива политического знания. Безостановочный процесс дисциплинарного деления породил качественно новые процессы, затронувшие наиболее продвинутые исследовательские школы. Так, *фрагментацию* политического знания сделал проблемой сегодняшнего дня «не столько плюрализм подходов и методов политических исследований, сколько безразличие «дискурсивных сообществ» друг к другу и — в большинстве случаев — отсутствие даже полемики между ними, направленной на прояснение «истинного» понимания основных вопросов политической теории. Можно сказать, что «дискурсивные сообщества» организованы вокруг «методов», которым они привержены, а не «проблем», которые представляют широкий общественный интерес, а потому должны выступать смысловыми центрами политической рефлексии как таковой. В этом плане фрагментация ведет к выхолащиванию эвристического потенциала политического знания и снижению его общественной значимости» [Капустин].

Политическая мысль — как современная российская, так и в целом отличающаяся от нее респектабельная западная (ее олицетворяет теория от ведущих университетов мира) — ощущает сегодня дефицит эвристического потенциала. Это ощущение контрастирует с духом самоуспокоенности, характерным для популярных в конце XX в. теорий «малых дел». На сегодняшний день стратегии приспособления к наличным условиям, постепенности и прочие олицетворения «малой политики», какими бы полезными ни выглядели они в плане продуцируемого ими эмпирического знания, — эти стратегии уже не могут удовлетворять драматично развивающимся ситуациям как внутри каждой из стран, так и в международной практике. В этом контексте особую притягательность обретают разного рода масштабные теории, «видения», «мировосприятия», выводящие политическое мышление за рамки привычного. Именно они пробуждают потребность в философском вопрошании. В начале XXI в. сферами такого вопрошания становятся сюжеты, развиваемые эпистемологией общественных наук. В разряд объектов теоретической рефлексии в первую очередь попадают категории современной нам политической философии. Настоящая статья посвящена анализу одной из таких категорий — понятию индивидуального, индивидуальности. Цель нашего начинания двойственна: во-первых, выявить новые, созвучные неклассической философии коннотации данного концепта, возникающие в дискурсивном пространстве политического постмодерна. Это новое направление исследования, предпринятое в надежде привлечь внимание философов к богатству способов и форм вхождения «индивидуального»

в политическую сферу конца XX — XXI вв. Во-вторых, планируется перевести рассмотрение проблемы в плоскость case study, материалом для которого послужит тематически релевантный сделанным выводам взгляд на России как постсовременную империю.

Как известно, центр недавних дискуссий о «пост-империи» (они проходили одновременно в нашей стране и на Западе), неизменно составляла книга «Империя» — работа постмарксистов М. Хардта и А. Негри [Hardt, Negri 2000]. Несмотря на живой интерес к этой работе русскоязычных читателей, реакция в прессе на «Империю» была, как нам кажется, весьма невыразительной — видимо, из-за того, что за рецензиями на книгу журналы обращались в основном к отечественным марксистам. В результате спонтанная читательская реакция, переходя на страницы периодических изданий, оказывалась суженной до внутримарксистского дискурса, невосприимчивого ко всему, что в этот дискурс не вписывалось [Кагарлицкий, Баллаев 2007]. «Неотрецензированными» остались, в частности, такие смелые утверждения авторов книги как «сама по себе» империя — благо, постольку поскольку в постсовременную эпоху «создание Империи и ее глобальных сетей есть шаг к тому, чтобы покончить с любой ностальгией по предшествующим ей властным структурам и отметить любую политическую стратегию, ведущую к этому прошлому мироустройству» [Hardt, Negri 2000, 43].

На фоне однообразной реакции нашей прессы полной неожиданностью выглядит тот факт, что западные теоретики посвящают столь недружелюбно встреченной у нас «модной» книге не только рецензии, но и целые сборники оригинальных статей, авторами которых выступают представители самых разных направлений. В одном из таких научных сборников, озаглавленном «Новое платье империи» [Dean, Passavant (eds.) 2003], идеи Хардта и Негри анализируются авторами статей через призму широкого спектра философских тем — от *имманентного* и *трансцендентного* (Э. Лаклау и П. Фицпатрик) до имперской идеологии (С. Жижек) и *множества* как мифа (К. Шапиро). В результате, перед сегодняшними исследователями, сохраняющими интерес к бестселлеру «Империя», открывается богатый концептуально-тематический выбор: дискурс об империи поддержан не только рецензиями, но и сборниками оригинальных статей, а теперь уже и рецензиями на рецензии. Отсутствие связи с какой-то «стержневой» научной дисциплиной, равно как признание невозможности зафиксировать преобладающее влияние на дискурс со стороны той или иной теоретической позиции, — все это свидетельствует о наличии своего рода «трансдисциплинарного консенсуса», сложившегося вокруг намеченного в книге Хардта и Негри проблемного поля. Иначе говоря, тема империи («имперскости») остается в центре внимания теоретиков в той степени, в какой существует признание ее именно

как маркера некой глобальной проблемы в современной политической философии.

Книга Хардта и Негри взволновала думающего читателя констатацией: пост-современная империя *существует*. В этой констатации поклонники книги увидели утверждение, справедливость которого трудно опровергнуть. И хотя выраженная позиция не исключает разногласий (оппоненты подобных взглядов вольны выступать с «подрывными» фактами и суждениями), об «имперскости» существующих на мировой арене властных отношений способны свидетельствовать некие «макрофакты», влияющие на общий строй политико-идеологической сферы. В этой связи не раз отмечалось, что сформировавшийся к ХХI в. феномен «пост-империи» точно соответствует по своим понятийным параметрам логике европейского позднего модерна (late modernity) — логике, организующей пространство большой политики.

Говоря о методологической составляющей идеи «имперскости», мы открываем для себя нечто весьма существенное, такое, как, например, теоретическое тяготение либо к обнаружению, либо к игнорированию качественной неоднородности европейского модерна. В первом случае, исследователи идут по пути выявления в историко-культурном процессе моментов содержательного преобразования конституирующих империю институций (такое исследование заинтересовано в знании поддерживающих этот процесс социально-политических теорий); во втором — принципиально довольствуются фиксированным набором определений того, что есть империя. Тем самым они сознательно или неосознанно встают на сторону блюстителей традиции. Этот второй способ познания империи анахроничен: как таковой, он был бы вполне адекватен интеллектуальной атмосфере раннего модерна, которая, при всем своем ее многообразии, являлась эпохой удержания европейскими обществами ряда элементов традиционалистской политической картины мира. О примордиальных корнях такого подхода напоминает сохраняющаяся по сей день тенденция мыслить империю в терминах действия неких сил, внешних по отношению к субъектам данного государственно-политического устройства. Такие трактовки решают вопрос о сущности империи сведением его содержания к примитивно трактуемой теме генезиса империи. В результате в существующих справочно-классификационных изданиях в качестве однопорядковых могут фигурировать такие империи, как Македонская (ок. 323 г. до н.э.), Римская (509 г. до н.э. — 330 г. н.э.), наполеоновская (1813 г.) и Российская (1721–1917). Достаточным определяющим признаком наличия империи считается в этом случае факт соединения, так сказать, посредством грубой силы, ряда земель и государств в единое (основанное на принципе единоначалия) целое. Задача комментирования различий между империями, культурно-исторической специфики функционирования каждой из них, а также

места каждой в современном мироустройстве — все это остается за рамками описанных классификаторских усилий. Так классификация из средства преобразования простых восприятий в форму научного познания реальности (таким было ее изначальное предназначение) превращается в фактор ограничения возможностей познания; понятно, что подобный классификаторский анахронизм достоин критики. Если не делать этого, весь массив накопленных за столетия знаний об империях рискует превратиться в своего рода эпистемологический балласт, не позволяющий даже приблизиться к теме пост-империи.

Стремление избежать редуccionистского выхолащивания предмета нашего исследования заставляет избегать аналогий с той или иной устоявшейся точкой зрения: слишком многое в теме пост-империи говорит о необходимости искать опору в нетривиальных и пока еще не разработанных понятийных конфигурациях. Такой опорой для поиска могут служить исследования М.В. Ремизова, в первую очередь его статья «О суверенности» [Ремизов 2008]. Следует уточнить: данная работа не содержит прямых отсылок к теме пост-империи. Но на этой стадии мы их и не ищем — в сегодняшней интеллектуальной атмосфере гораздо важнее выявить, точнее, создать то, что А. Бадью называл «понятийным пространством истинностных процедур». «Специфическая цель философии, — писал французский философ, — предложить единое понятийное пространство, в котором обретают свое место именование событий, служащих отправной точкой истинностных процедур» [Бадью]. Один из предметов критического анализа Ремизова — *modus operandi* типичной «традиционалистской империи» наших дней (воплощением ее автор считает внешнюю политику США); образ *такой* империи служит, согласно автору, непосредственным воплощением политико-идеологической позиции, преобладание которой в современном мире является главным вызовом отечественной политической теории. Последняя, подчеркивает автор, призвана противопоставить ей собственный антитезис.

Сначала о критике. В статье «О суверенности» упоминаются попытки США сохранить за собой мировое лидерство в сфере политики; это стремление к лидерству пронизано пафосом следования досовременным, архаичным образцам политического поведения (им как раз и соответствует упомянутое выше представление об «имперскости»). Осознанно или нет, роль сверхдержавы отождествляется в умах политических представителей с имперскими (в смысле «верными духу *классической* имперской парадигмы») этико-политическими стереотипами. В подобной стратегической оппозиции невозможно не увидеть главного вызова отечественной политике, а значит, тема современной империи просто не может быть отодвинута на задний план.

Анализ Ремизова в равной мере критичен к каждой из сторон. Воспроизведем основную линию его аргументации. Американскому

имперскому мышлению российская государственность противопоставляет, как правило, описание собственного политического устройства в терминах «суверенной демократии», а это, по мнению автора статьи, довольно рискованный маневр, ибо «речь идет о весьма неудачном сочетании позиции одновременно вызывающей и конформистской (по отношению к глобалистскому мейнстриму), которое делает идею «суверенной демократии», в ее существующем виде, не идеологическим щитом, а красной тряпкой» [Ремизов 2008, 219]. Вопрос здесь не в том, плох или хорош для нас суверенитет как категория политической философии, а в той непоследовательности, с какой реализуется на деле принцип суверенитета, ибо, пишет Ремизов, невозможно настаивать на признании России суверенным государством и одновременно искать защиты от попраania суверенитета страны, апеллируя к международному праву.

На наш взгляд, отмеченный казус есть результат неоправданных упований отечественных идеологов на сугубо политологические способы решения задач, связанных с упрочением международного статуса России. Складывается впечатление, что сегодня значительная часть представителей политической мысли намерена вовсе отделаться от историко-культурного и политико-философского аспектов как от некоего досадного рудимента, сведя их присутствие в политической картине мира к стандартному набору «вечных» понятий и категорий. В такой ситуации очень трудно даже ставить вопросы о том, в чьей компетенции (политико-философской или «политтехнологической») находится каждая конкретная политическая проблема. В этом смысле поистине адекватным ситуации является обращение к проблеме российской суверенности — не «суверенитета» как общего понятия, а *суверенности* как конкретного состояния, при котором субъект политики способен реализовывать свои притязания на обладание суверенитетом; иными словами, суверенность есть такое состояние, при котором наши политические оппоненты, как правило, не делающие различия между суверенностью и авторитаризмом, начинают считаться с нашей позицией.

Автор статьи задает вопрос: что в действительности представляет собой суверенность, эта ставшая реальностью идея суверенитета? Первое, что приходит на ум — это сущностное родство «суверенитета», например, с «силой». Однако, как нетрудно заметить, понятийно суверенитет более близок к власти, ибо «как таковая власть представляет собой не силу, а *признанное полномочие*... это уже не “количество”, а “качество”... Словом, власть — более редкая и сложная вещь, чем сила» [Ремизов 2008, 220]. Суверенитет же, будучи близок власти по смыслу, в то же время не тождествен ей, так как представляет собой не просто редкую, а «исторически уникальную конфигурацию власти, сложившуюся в современную эпоху, в рамках современного государства. Уникальность

этой конфигурации состоит в том, что она предполагает концентрацию различных форм власти — военно-полицейской, экономической, символической, — на одном и том же уровне, на уровне государства, чья власть благодаря этой концентрации становится исключительной (т.е. не допускающей пересечений с властью других государств) и верховной (по отношению к негосударственным сферам власти)». Иначе говоря, суверенное государство обладает властью, «над которой на этой земле нет никакой иной власти... Она должна основываться на весьма серьезной онтологической претензии — претензии на репрезентацию целостности общества. А возможно, и полноты мира, выступающего как парафраз общества. Эта претензия может мыслиться и выражаться по-разному, в зависимости от тех форм культа, в которых общество опосредует идею собственной целостности. Сама способность к такому опосредованию (и потребность в нем) вряд ли изначально, она требует определенного уровня культуры и выступает «метафизической» предпосылкой суверенности» [Ремизов 2008, 220–221].

Государство, в той степени, в какой оно представляет собой потенциального носителя суверенитета, должно обладать двумя ипостасями: агента политической мобилизации общества и инстанции его символической репрезентации. Исторически, эти две ипостаси редко соединялись в облике конкретного государства. В досовременную эпоху репрезентативная мощь пап и императоров (они, как правило, сражались между собой за роль олицетворений единства христианского мира) соседствовала с политической слабостью тех и других: функцию политической мобилизации выполняли королевские дворы, которые, в свою очередь, зависели от представителей духовной власти, не желавших разделять с ними функции символической репрезентации. Таким образом, налицо была ситуация отсутствия суверенитета. Условным, «мифологическим» моментом его рождения стал Вестфальский мир. По мнению Ремизова, вестфальским соглашением о мире для того чтобы положить истинное начало эпохе суверенитетов не хватало третьего звена — «того аспекта власти, который Фуко называет “правительственностью”». Он не является изначальным и вступает в права в Новое время, где-то в XVIII веке, как полагает Фуко. Следуя его пояснениям, можно заключить, что “правительственность” — это выход из состояния власти, зацикленной на самое себя и озабоченной лишь собственным воспроизводством посредством общества. Суть правления (как типа власти) состоит в том, что оно осуществляется не (только) в соответствии с потребностями господства, но и в соответствии с автономной логикой общественной реальности во всем ее многообразии... Благодаря когнитивному повороту к восприятию общества как системы стала возможна ориентация правительственных техник на население — как цель, а не только как средство власти» [Ремизов 2008, 222–223].

Все сказанное выше позволяет уловить когнитивное различие между суверенитетом и суверенностью. Если первый есть некая абстрактная (провозглашенная) ценность, существующая лишь в форме благих пожеланий, то вторая как более зрелая концепция является плодом разнонаправленной и в целом мультидисциплинарной работы теоретической мысли, обогатившей начальные представления о функционировании общества такими неологизмами, как системность, способность общества планомерно воспроизводить себя и другими плодами научного мышления. Критикуя Фуко, согласно которому идеи суверенитета и «правительственности» являются взаимно противоречивыми, автор статьи подчеркивает: «Суверен (кем бы он ни был, персоной или народом) необходимо опосредует себя не только “территорией”, но и “населением”, с тем, чтобы в его (суверена) лице оно из “субстанции” превращалось в “субъект”» [Ремизов 2008, 223].

Данный тезис, подчеркивающий эволюционный аспект изучения суверенитета — его исторического движения от состояния неосуществимого идеала к сегодняшнему статусу в качестве потенциально возможной суверенности — не следует переоценивать с точки зрения новизны. Несложно заметить, поясняет Ремизов, что метафизика суверенитета есть не более, чем частный случай западной метафизики субъекта. Уникальным культурно-историческим явлением выступает здесь не сам по себе суверенитет, а то, как понимается сегодня лежащая в его основе метафизика субъекта («Я полагает само себя», говоря словами Фихте, который в своем лице удачно соединил идеолога субъектности трансцендентальной и национальной» [Ремизов 2008, 225]).

Характеризуя современность (эпоху позднего модерна) с точки зрения порожденных ею уникальных культурно-политических возможностей, мы, вслед за автором анализируемой статьи, приходим, в конечном счете, к проблеме политической субъектности. Здесь опять нельзя не сослаться на мнение автора, учитывая, что тема суверенности дает ему повод выразить резко критичное отношение к одной из популярных тем постклассической философии — к идее «смерти субъекта». Ремизов высмеивает попытки присовокуплять к «смерти человека» à la Фуко «смерть государства» à la Агтали — объединять их с тем, чтобы таким образом обосновать перспективу смерти суверенитета. И действительно, весь ход развития постклассической политической мысли (если он вообще обладает какой-либо векторностью) способен, по нашему мнению, указывать на «смерть» индивидуального субъекта исключительно в плане самоисчерпания идеи индивидуальной субъектности и вытеснения ее субъектностью коллективной. Похоже, что данная тенденция, подобно любому цивилизационному сдвигу, подспудно складывалась на протяжении не одного десятилетия. Уже в начале XX в. она проявилась в запоминающемся высказывании Макса Вебера, сожалевшего об уходе высших ценностей из обще-

ственной сферы «или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу» [Вебер 1990, 735]. Так, появившись — сначала в виде *реакции на отсутствие* — эта «безумная» идея долгие годы оставалась неким неясным фоном, кочуя по ментальным пространствам культурологических, лингвистических, нарративных и пр. «поворотов», из которых сплошь сплетена ткань современной философии. Но какие именно смыслы вкладывают сегодняшние авторы в концепт коллективной субъектности, многозначной, как и все те понятия, что знаменовали собой поворотные пункты на цивилизационном пути Европы? Несомненно, приоритетным является здесь отказ от позиции «наивного индивидуализма». Последний не устает утверждать, что «“реальны” лишь отдельные люди, а общество и производные от него категории — лишь абстракция». В противовес этому убеждению, постклассическая философия доказывает, что «персональная идентичность является “конструктом” в не меньшей мере, чем социальная идентичность во всех ее разновидностях» [Ремизов 2008, 226].

Что же представляет собой социальная идентичность современной России как мировой державы? Из каких уникальных черт должна быть «сконструирована» неповторимая индивидуальность ее как субъекта политики? Иначе говоря, относительно каких реалий нашего политического бытия должны мы стремиться достигать трехсоставного (символическая репрезентация — политическая мобилизация — демократическая правительственность) состояния суверенности? Подсказка заключена в кажущейся несовместимости этих вопросов: первый из них задан в модальности существования, второй — в модальности долженствования. Поиск ведется среди понятий, в равной мере приемлющих обе модальности.

Позволим себе предположить: этому условию, более, чем что-либо другое, удовлетворяет «имперскость» нашей страны, точнее, современное состояние России как империи. Исторически Российская империя обладала многими чертами, роднившими ее с другими всемирно значимыми империями. Первым, наиболее абстрактным приближением к уяснению идентичности российской «имперскости» будет определение ее в терминах оппозиции: «колониальная — континентальная». Вот ее наглядное отображение, представленное в коллективном труде «От миропорядка империй к имперскому миропорядку» [Войтоловский, Гудев, Соловьев (ред.) 2005, 10]:

Согласно представленным критериям, Россия — ярко выраженная континентальная империя. За этим названием стоит многовековая история Российских практик присоединения и удерживания в своем составе сопредельных территорий. Такие практики далеки от собственно «империалистических» практик Запада: имея под собой обширный историко-культурный пласт традиционалистских спосо-

Тип империи	Колониальный	Континентальный
Механизм формирования	Прямой захват или установление протектората над заморскими землями, подчинение небольшой по площади метрополией громадных территорий	Присоединение захваченных земель к коренной территории, создание единого территориального массива, внутренний характер колоний
Отношения центр — периферия	Господствующая нация — «нецивилизованные» народы заморских колоний; неравенство населения метрополии и периферии (обособление метрополии от колоний)	Господствующая нация — национальная окраина; фактическое равенство населения метрополии и периферии перед законодательством метрополии/главой государства
Средства доминирования центра	Прямые и/или косвенные методы управления, экономическое и политическое подчинение, военная мощь, насильственная ассимиляция	Прямые методы управления, военная мощь, приспособление центра к местным традициям, культурная ассимиляция, хозяйственное освоение и развитие окраин
Идеология	Цивилизаторская миссия избранного народа («бремя белого человека»)	Национальная имперская идея (преимущественно религиозного характера)
Мотивация имперской политики	Усиление мировых позиций национального капитала, распространение политико-культурных стандартов	Обеспечение безопасности центра, капитала, распространение политико-культурных стандартов
Реализация имперской политики	Колониальная эксплуатация во имя процветания метрополии	Укрепление безопасности (в первую очередь — военной) метрополии

бов взаимодействия евроазиатских народов, они резко отличаются от сугубо экономических (вопреки столь популярным в XIX в. идеологемам, воспевавшим «миссию белого человека»), колониальных по сути «захватов». Именно эти последние прочно ассоциированы в работах специалистов с понятием *империализма*. Устойчивое сохранение в практиках Российской империи общекультурных и, зачастую, не только внеэкономических, но и контр-экономических (деятельность «себе в убыток») характеристик позволяет применить к ее описанию парадоксальное определение: «неимпериалистическая империя».

Говоря современным языком, Российская империя — иная по ее изначальной интенции. Меняясь со сменой эпох, она оставалась в целом верной этому аспекту своей идентичности.

При внимательном рассмотрении приходишь к выводу, что парадоксальность «неимпериалистической империи» — кажущаяся. На деле, корень вопроса составляет относительная независимость империй неимпериалистического типа от господствующих в современной европейской цивилизации идеологий. В отличие от колониальных империй Нового времени, чьи «рациональные» действия в странах третьего мира всегда находились в жесткой корреляции с идеологическим кредо «экономического человека» (*Homo Economicus*), российское «имперское» самосознание способно сохранять жизнеспособность и при либерализме, и при социализме, и даже в присутствии колониализма националистическом контексте. Эта специфика российского *modus vivendi* придает ее культурной самобытности цивилизационные черты. Вспомним слова Михаила Гефтера: Россия — это «Мир миров» [Гефтер 1994].

Очевидно, что объективное значение такой имперской цивилизации заметно возрастает ныне по сравнению с эпохой «высокого модерна», в которой экономическая идеология, достигнув максимума общественного признания, довлела над общекультурными факторами. Для нашего общества, в той мере, в какой оно относится к обществам «догоняющего развития», эпоха экономизма наступила в 1990-е гг. Думается, именно вышеописанные черты России помогли ее гражданам сравнительно скоро начать переход от роли адептов «коммерческого общества» (термин Адама Фергюссона [Ferguson 1782], первого критика идеологии экономизма) к роли критиков доведенной до абсурда экономической ментальности.

Но что позволяет считать указанные черты российской «имперскости» имеющими значение для современности, игнорируя, например, точку зрения К. Поппера, в шкале ценностей которого российская культурная специфика выглядит досадным атавизмом, существующим в стороне от нормального хода эволюции европейского общества? Можно придать этому вопросу и более общий смысл: в чем корни сегодняшней популярности «имперской идеи»? Надо сказать, в политической философии XXI в. этот общий вопрос не оставлен без внимания: имперская идея обретает ныне новую жизнь во многом из-за того, что сам XXI век показал проблематичность создания условий, при которых разные цивилизации смогут сосуществовать бок о бок друг с другом, не теряя при этом своей независимости. Понятно, что искомые условия должны обеспечивать нечто большее, чем состояние сиюминутного пространственно-временного соседства, скажем, ультрасовременного конгломерата западных государств, с одной стороны, и готовых в любой момент исчезнуть с лица земли изолированных традициона-

листных сообществ, с другой. Между тем, предложенные XX веком политико-философские решения, такие как концепция делиберативной демократии (Ю. Хабермас) и оппонирующие ей коммунитаристские теории, не обладают необходимой для этой цели степенью универсализма.

Думается, именно открывшийся дефицит теории заставляет исследователей искать иные понятийные опосредования, способные обнаружить реальные точки соприкосновения цивилизаций. Рассматривая «имперскую идею» с этой стороны, исследователи вводят в политическую философию новые ракурсы. Достоин исследования тот факт, что западноевропейская культура, являвшаяся на протяжении нескольких веков двигателем мирового развития, успела, в той или иной степени, ассимилировать граничащие с ней цивилизации, благодаря чему возникали новые сферы общности или, говоря языком Ремизова, совместной «обреченности» на определенный способ существования: «Существует некая универсальная отправная точка для понимания современности и рассуждения о ней. Она состоит в том, что современное общество обречено на проектный способ существования. Это не значит, что оно обязательно порывает с традицией. Без традиции современность немислима, как и все остальное. Но в рамках современности традиция не может быть самоочевидным и достаточным основанием легитимности общественного порядка в целом и порядка власти в частности. Обнаружение этих оснований становится проблемой, которая решается в ходе политико-идеологической жизни общества» [Ремизов 2008, 224]. Иными словами, полностью традиционное и одновременно жизнеспособное общество невозможно сегодня уже потому, что культурно-цивилизационные ресурсы такого общества не обеспечивали бы ряда условий, которым *de facto* удовлетворяют ныне существующие общества с элементами традиционалистского самосознания. К этим последним можно отнести и Россию: традиционные ценности достаточно сильны в нашей стране для восприятия пост-империи как *современного проекта* и, вместе с тем, достаточно ослаблены для того чтобы избежать опасности возврата в эпоху традиционализма.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеева 2000 – *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. – М.: РОССПЭН, 2000.

Бадью – *Бадью А.* Манифест философии. – URL: <http://m-introduction.livejournal.com/584520.html> (дата обращения к сайту 07.09.2017).

Баллаев 2007 – *Баллаев А.Б.* Рецензия на книгу М. Хардта и А. Негри «Империя» // История философии. 2007. Вып. 12. С. 223–228.

Бурдые – *Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/704> (дата обращения 10.09.2017).

Вебер 1990 – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия / пер. А.Ф. Филиппова, П.П. Гайденок // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Войтоловский, Гудев, Соловьев (ред.) 2005 – От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред.: Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев,

Э.Г. Соловьев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.

Гефтер 1994 – *Гефтер М.Я.* Мир миров: российский зачин. 1994. – URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history95-97/gefter-zachin/ (дата обращения: 27.09.2015).

Кагарлицкий – *Кагарлицкий Б.Ю.* Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя. – URL: https://scepsis.net/library/id_189.html (дата обращения к сайту 05.06.2017).

Капустин – *Капустин Б.* Самой эффективной является такая политика, которая способна выдать себя за свободную от всякой идеологии. – URL: <http://www.pravaya.ru/leftright/473/15881> (дата обращения 25.06.2017).

Ремизов 2008 – *Ремизов М.В.* О суверенности // Логос. 2008. № 3 (66). С. 217–228.

Шапиро 2011 – *Шапиро Й.* Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. Д. Узланера. – М.: Издательский Дом Высшей школы экономики, 2011. С. 49–50.

Элиас 2001 – *Элиас Н.* Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001.

Dean, Passavant (eds.) 2003 – *Empire's New Clothes: Reading Hardt and Negri* / by J. Dean, P. Passavant (eds.). – L.: Routledge, 2003.

Ferguson 1782 – *Ferguson A.* An Essay on the History of Civil Society [1767]. 5th ed. – L.: T. Cadell, 1782.

Hardt, Negri 2000 – *Hardt M. and Negri A.* Empire. – Cambridge (MA) & L.: Harvard University Press, 2000.

Shapiro 2005 – *Shapiro I.* The Flight from Reality in the Human Sciences. – Princeton: Princeton University Press, 2005.

Weber 2002 – *Weber M.* Wissenschaft als Beruf [1918] // Max Weber Schriften 1894–1922. – Stuttgart: Kröner 2002. S. 474–513.

«POST-MODERN EMPIRE» IN RUSSIAN PERSPECTIVE: AN ESSAY IN POLITICAL PHILOSOPHY*

I.I. MIOURBERG, I.M. URGIN

Summary

The subject-matter of the article is the “post-modern empire” concept which arose at a joint of centuries. The analysis’ purpose is demonstrating modern political philosophy’s quest for concepts/methods of analyzing post-empire, it reveals “sovereignty” concept as relevant for describing the respective problem field. Hence the hypothesis: the experience of Russia, when analyzed (by hermeneutical method) as a kind of post-empire, serves as a conceptual mediation for perception of modern policy subjects’ identity. Claims, mounted by states on the status of sovereign political bodies, makes us transfer attention from classical definitions of sovereignty to a concept of being sovereign, which is related to sovereignty, though not identical to it. Being sovereign denotes any state’s ability to cope with three interconnected functions (symbolical representation – political mobilization – democratic governmentability) unique for any political subject. It is suggested that, for modern Russia, the status of post-modern empire as the optimal “imperialness” is characteristic of “post-

* The research was carried out in the project's boundaries of Russian Science Foundation “Individualism as an ethico-political institution of the European modern: stages of historical formation and challenges of our time”, grant number 17-33-00060.

imperial” Russia: all were continental (not colonial) empires, “empires without colonialism”. Unlike Modern colonial empires (their “rational” policy in Third World countries was correlated to “homo economicus” ideological creed), Russian “imperial” consciousness managed to withstand all ideologies. Russian “imperialness” identity has civilizational parameters.

Keywords: post-empire, empire’s individuality, being sovereign, political subject, project-as-a-principle, political post-modernity.

Miourberg, Irina – D.Sc. in Political Studies, Leading Research Fellow at the Department of the History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow.

irina.myrberg@gmail.com

Ugrin, Ivan – Ph.D. in Political Studies, Junior Research Fellow at the Department of Philosophical Policy Issues, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow.

ivan_ugrin@mail.ru

Citation: MIOURBERG I.I., URGIN I.M. (2017) “Post-Modern Empire” in Russian Perspective: An Essay in Political Philosophy. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 8, pp. 33-47.

REFERENCES

- Alekseeva T.A. (2000) *Modern Political Theories*. Moscow (in Russian).
- Badiou A. (1989) *Manifeste pour la philosophie*. Seuil, Paris, 1989 (Russian translation: Logos, Moscow. Available at: <http://m-introduction.livejournal.com/584520.html>).
- Ballaev A.B. (2007) Book Review: Hardt M. and Negri A. *Empire*. In: *History of Philosophy*. 2007. Vol. 12, pp. 223-228 (in Russian).
- Dean J., Passavant P. (eds.) (2003) *Empire’s New Clothes: Reading Hardt and Negri*. Routledge, London.
- Elias N. (1987) *Die Gesellschaft der Individuen*. Ed. by M. Schröter. Suhrkamp, Frankfurt am Main: 1987 (Russian translation: Praxis, Moscow, 2001).
- Ferguson A. (1782) *An Essay on the History of Civil Society* [1767]. 5th ed. T. Cadell, London, 1782.
- Voitolovsky F.G., Gudev P.A., Solovyev E.G. (eds.) (2005) *From the World Order of Empires to Imperial World Order*. Moscow (in Russian).
- Gefter M.J. (2015) *A World of Worlds: Russian Contribution*. Available at: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history95-97/gefter-zachin/ accessed on 27.09.2015 (in Russian).
- Hardt M. and Negri A. (2000) *Empire*. Harvard University Press, Cambridge (MA) & London, England.
- Kagarlitskiy B.J. (2017) *Hardt M. and Negri A. Empire*. Available at: https://scepsis.net/library/id_189.html - 05.06.2017 (in Russian).
- Kapusin B. (2017) *Most Efficient is the Policy that Can Look Free of All Ideology*. Available at: <http://www.pravaya.ru/left/right/473/15881> accessed on 25.07.2017 (in Russian).
- Remizov M.V. (2008) ‘On Being Sovereign’. In: *Logos*. 2008. Vol. 3 (66), pp. 217-228 (in Russian).
- Shapiro I. (2005) *The Flight from Reality in the Human Sciences*. Princeton University Press, Princeton.
- Weber M. (1918) *Wissenschaft als Beruf*. In: *Max Weber Schriften 1894–1922*. Kröner, Stuttgart, 2002. S. 474-513.